

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко

ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ДИНАМИКА И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РФ В КОНТАКТНЫХ ЗОНАХ «РУССКО-ВОСТОЧНОГО» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гаврилов Юрий Андреевич – кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Шевченко Александр Георгиевич – старший научный сотрудник
Института социологии РАН.

Проблемы исследования этнорелигиозной динамики

Историческое формирование российско-евразийского суперэтнуса происходило в процессе динамичного взаимодействия русско-православного ядра (включающего также украинцев и белорусов) со множеством этнических единиц самого разнообразного происхождения. В процессе такого взаимодействия органически формировалось этнокультурное целое как национально-этническая основа российской цивилизационной общности.

Такой процесс отнюдь не означал ассимиляции – каждая этническая общность сохраняла свое неповторимое культурное и религиозное своеобразие. Ряд народов, которые до вхождения в состав российской суперэтнической общности придерживались своих традиционных анимистических и магических верований (собирательно именуемых шаманизмом) – угрофинские, часть тюркских, малочисленные этносы северного и сибирско-дальневосточного регионов со временем относительно легко приняли «русскую веру» – православное христианство. Другие народы, исповедовавшие мировые, локальные и национальные религии (различные течения неправославного христианства, ислама, буддизма, иудаизма), войдя в состав российского суперэтнуса, сохранили свое историческое вероисповедание.

Здесь надо иметь в виду, что при далеко не полном совпадении религии и этничности (в каждом крупном этносе всегда присутствуют религиозные меньшинства), религиозный фактор в формировании этнокультурного облика

того или иного народа играет особую роль. Он проявляет себя не только как индикатор этнической принадлежности («русский – значит православный», «татарин – значит мусульманин»), но и, по мнению этнолога Л. Гумилёва, выступает также в качестве мощной этнической доминанты самого процесса этногенеза [3, с. 190–193]. Тем самым религиозный фактор становится системообразующим элементом этнической традиции, предстающей в данном аспекте как традиция этнорелигиозная¹. Вместе с тем, выступая в качестве доминанты и индикатора этничности, религия не является единственным и исключительным фактором этногенеза. Играя нередко доминантную роль для большого числа народов, она не приводит к их слиянию, хотя и обеспечивает определенную общность.

В этом плане применительно к российскому суперэтносу можно говорить о преобладающем в его составе сообществе православных народов с доминирующим русско-славянским ядром, однако к этому ядру механически несводимом. Так, например, чуваша или мордва, в среде которых православие стало утверждаться с XVI в., приняв «русскую веру», не перестали быть чувашами и мордвой (хотя объективные ассимиляционные процессы, связанные со сменой идентичности, особенно в последние десятилетия, разумеется, имеют место). Аналогичным образом можно говорить о пребывающих в составе российского суперэтноса сообществах мусульманских и буддийских народов. Помимо них в этническом многообразии современной России присутствуют этнические группы, исторически принадлежавшие к неправославным христианским народам (католики, протестанты, монофизиты), а также приверженцы национальных религий (иудеи, караймы), локальных и синкретических культов.

Становление российской суперэтнической общности было таково, что на всем пространстве исторической России между разными этносами и этнокультурными ареалами отсутствовали ярко выраженные разграничения. Еще в первой половине XX в. историки и географы евразийской школы для характеристики этнической карты России-Евразии предложили определение «радужной сети», в пределах которой разнообразные этнические типы сменяют друг друга через ряд промежуточных форм.

Один из основателей классического евразийства историк и лингвист Н. Трубецкой в известной работе «Наследие Чингисхана» в связи с этим писал: «Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом – с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками

1. Сохранение этнорелигиозных традиций и роль в них религиозного фактора не следует путать с динамикой личной веры в Бога и посещением культовых учреждений верующими, хотя рост числа верующих (заметный в России в последнее время), вне сомнения, способствует укреплению этих традиций.

существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом или мордвином или зырянником; но от зырянника или мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чувашами, татарами, мещеряками); татарский тип также постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят» [7, с. 214].

Действительно, пространству Северной Евразии исторически не был присущ феномен «фронтира» (от английского «frontier» – граница), как именовалась в XVIII–XIX вв. пограничная зона между индейскими племенами и белыми переселенцами в период освоения земель «Дикого Запада» Северной Америки. Для этнической истории евразийского пространства характерно преобладание не жесткого разграничения, а взаимопроникновения различных этнических ареалов. Это относится и к таким отдаленным аналогам «фронтира», как причерноморское степное пространство «Дикого поля» или зона русского продвижения в Восточной Сибири.

На ранних этапах, связанных с гегемонией кочевых тюрко-монгольских этнополитических образований в зоне Великой Степи, последние, проникая в зоны восточнославянского расселения (чаще всего это были военные вторжения, однако имели место и мирные переселения, связанные с переходом на службу русским и литовским князьям), оставляли свои устойчивые этнорелигиозные анклавы. Часть из этих анклавов сохранилась до нашего времени (например, касимовские и литовские татары). В более поздний период уже формирующееся русское этническое ядро в процессе своего расширения в северо-восточном, восточном и южном направлениях вступало в динамичное взаимодействие с автохтонными этническими общностями. Доминирующими в таком взаимодействии явились процессы не ассимиляции (хотя и она присутствовала), а аккультурации – взаимное восприятие материальной и духовной культуры обоими народами при сохранении их в качестве самостоятельных этнических единиц.

Особенно ярко проявил себя феномен аккультурации в случае принадлежности народов к различным этнорелигиозным традициям, в частности православно-христианской и мусульманской: они препятствовали полной ассимиляции, но в то же время не мешали творческому усвоению культуры друг друга. Такая аккультурация никогда не носила одностороннего характера. Те же ученые евразийской школы не без основания считали, что русские (великороссы) в плане своей этнокультурной традиции более близки не к родственным по языку славянским народам, а к другим народам Северной Евразии, генетическое происхождение которых не только не славянское, но

и не индоевропейское – тюркским, угрофинским, монгольским. Это можно проследить в психологическом типе, бытовом укладе, фольклоре, музыкальном и декоративно-прикладном искусстве и даже в языке [5, с. 63–126].

Благодаря такому аккультурационному взаимодействию в зонах тесного соприкосновения русского народа с другими евразийскими этносами в составе русского этнического целого сложились оригинальные субэтнические общности, наиболее ярким примером которых является казачество. Еще более активным был процесс русского культурного влияния на всю мозаику этнических и этнорелигиозных общностей евразийского пространства. Русские в течение нескольких столетий выступали как своего рода «сверхнация», обладающая способностью притягивать к себе в культурно-цивилизационном плане народы, вступившие в поле русской культуры. Отсюда, в частности, произошли такие расхожие понятия, как «русские татары», «русские евреи» и «русские немцы» [4, с. 286–287], а также такой глубоко оригинальный феномен, как «русское мусульманство». На последний еще на рубеже XIX–XX вв. обратил внимание известный крымско-татарский просветитель Исмаил-бей Гаспринский [2].

Процессы такого этнокультурного взаимодействия в той или иной форме имели место на всем пространстве исторической России. Однако наибольшее значение в данном плане приобретали те контактные зоны, где русско-православному миру довелось напрямую соприкоснуться с иноверными этнорелигиозными общностями, представленными не этнодисперсными диаспорами, а автохтонными народами, проживающими в регионах своего исторического «месторазвития» [6, с. 282]. Именно их и можно с определенной мерой условности считать контактными зонами «русско-восточного» взаимодействия. При отсутствии ярко выраженного «фронтира» такие контактные зоны охватывают весьма обширные регионы. В границах современной Российской Федерации их можно отчетливо наблюдать в шести из восьми федеральных округов, существовавших на начало 2014 г.

Неоднозначные и зачастую прямо негативные тенденции этнорелигиозной динамики населения РФ, связанные с активизировавшейся тенденцией убывания русско-славянского православного ядра российского суперэтноса, при одновременном росте уже существовавших и появлении новых неправославных этнорелигиозных общностей как следствия миграционных процессов, о чем мы писали ранее [1], в пределах контактных зон проявляется еще более отчетливо, а потому требует самостоятельного анализа. Поскольку границы этих зон четко не выражены, для удобства анализа нами в качестве таковых выделены обширные географические пространства, включающие по несколько федеральных округов.

Волго-Уральская зона на территории Приволжского и Уральского федеральных округов (Республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татар-

стан, Удмуртия, Чувашия, Пермский край, Кировская, Курганская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская области).

Зона Юга России на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Краснодарский и Ставропольский края, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области).

Восточно-Азиатская зона на территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Республики Алтай, Бурятия, Саха-Якутия, Хакасия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Магаданская, Новосибирская, Омская, Сахалинская, Томская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ).

В совокупности на территориях названных «русско-восточных» контактных зон, по данным последней переписи 2010 г., проживали 90,8 млн человек, что составляет 63,6% населения Российской Федерации. Во всех трех зонах на первое место по численности выходит православная этнокультурная общность, на второе – в Волго-Уральской и Южной – мусульманская, в Восточно-Азиатской – буддийская. Кроме них во всех трех зонах присутствуют представители иной этнокультурной ориентации – неправославной восточно-христианской, западно-христианской, иудейской, а также народы, исторически являющиеся приверженцами локальных и синкретических культов.

Этнорелигиозная динамика² Волго-Уральской зоны

В этой зоне сосредоточено наиболее многочисленное население страны – около 30% всех жителей РФ. За период между двумя переписями оно сократилось на 1,5 млн человек, или на 3,6%, что более чем вдвое выше аналогичного общероссийского показателя (1,6%). Причем почти 80% его жителей приходится на православную этнорелигиозную общность. В ее составе 27 этнических групп, из которых наиболее крупной являются русские – около 70%, еще около 2% в совокупности представлено украинцами и белорусами.

Заметную группу этой общности составляют крупные угрофинские и тюркские этносы (более 500 тыс. человек каждый), имеющие в пределах зоны свои автономные национально-территориальные образования – чувашаи,

2. Здесь и во всех случаях далее приведена как позитивная, так и негативная динамика численности этносов в период между двумя последними переписями населения России.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

мордва, удмурты и марийцы, причем именно на Волго-Урал приходится абсолютное большинство (до 90% и выше) данных народов, проживающих в РФ. В совокупности они составляют здесь около 9% православной общности.

Среди остальных представителей православной общности можно видеть и относительно крупные автохтонные этносы, в том числе относящиеся к северным народам (коми-пермяки, кряшены, ханты, ненцы, манси), и диаспоры выходцев из других российских регионов (осетины, коми), ближнего (молдаване, грузины, гагаузы) и дальнего (греки, болгары) зарубежья. Таким образом, православная общность Волго-Уральской зоны этнически весьма разнообразна: помимо абсолютно доминирующего русского компонента заметную долю в ней составляют довольно крупные тюркские и угро-финские этносы автохтонного происхождения.

Отрицательная динамика, характерная для православной этнокультурной общности по РФ в целом (5,4%), по Волго-Уральской зоне выражена даже более отчетливо – 7%. Общее сокращение здесь происходило преимущественно за счет русских, составляющих абсолютное большинство православного населения Волго-Урала – показатель составил 6%. Однако фактически он был выше: численность украинцев и белорусов за тот же период сократилась на треть, а столь высокие темпы сокращения происходили во многом из-за смены этнической самоидентификации. Все большее число представителей данных этносов идентифицирует себя как русских, но при этом количественный состав русской группы не увеличивается, а напротив, продолжает уменьшаться.

Очень заметна и убыль численности других крупных православных этносов – как автохтонных (наиболее высокий показатель сокращения у коми-пермяков), так и этнодисперсных диаспор (грузин, осетин, молдаван, греков, болгар). Не последнюю роль и здесь играет смена идентичности как следствие ассимиляции. Лишь пять этнических групп увеличили свою численность. Это прежде всего кряшены, которых стало больше на 45%, что, впрочем, во многом связано не с их естественным приростом, а опять-таки со сменой самоидентификации (ранее многие из них идентифицировались с татарами). Довольно заметно (на 10% и выше) увеличилось число представителей северных народов – ханты, манси, ненцев и селькупов.

Мусульманские народы составляют вторую по числу жителей этнорелигиозную группу Волго-Урала. В ее составе к 2010 г. было зафиксировано 24 этнические единицы, которые в этнополитическом аспекте можно распределить на четыре категории, разновеликие по своей численности.

Первую, наиболее крупную, составляют три автохтонных этноса, имеющие в зоне Волго-Урала свои национально-территориальные автономии. Это прежде всего татары – второй после русских по количественному составу и самый многочисленный мусульманский этнос РФ. В пределах Волго-

Уральской зоны татары составляют 10,8% населения и 66,8% мусульман. На данной территории сосредоточено около 86% всех татар РФ, причем представлены основные субэтносы татарского народа – казанские, мишари, пермские, значительная часть сибирских.

Другим автохтонным мусульманским этносом Волго-Урала являются башкиры, на которых приходится 22,5% этнорелигиозной группы. При этом лишь около 3% всех башкир РФ проживают за пределами данной зоны. К двум названным этносам примыкают казахи, проживающие в областях, соприкасающихся с Казахстаном, которых также можно отнести к автохтонным народам Волго-Урала. В совокупности три названных этноса составляют 93,6% мусульман этой зоны.

Три другие категории мусульманских этносов представлены этнодисперсными диаспорами.

Вторая по числу жителей категория – это диаспоры мусульманских народов Средней Азии и Закавказья, составляющие 4,8% мусульман Волго-Урала. Немногим менее половины из них составляют азербайджанцы.

В третью по численности категорию следует выделить диаспоры 12 мусульманских этносов Северного Кавказа, составляющими в совокупности 1,5% волго-уральских мусульман. Среди них наиболее многочисленны лезгинцы, чеченцы и кумыки.

Наконец последнюю, численно незначительную категорию составляют диаспоры мусульманских народов дальнего зарубежья (турки, курды, дунгане, арабы) – не более 0,1%.

Как видим, в настоящее время в мусульманской этнорелигиозной общности Волго-Урала сохраняется абсолютное доминирование автохтонных тюркских этносов – татар, башкир и казахов. Удельный вес других этнических элементов крайне невелик. Вместе с тем динамика различных мусульманских этносов существенно различается, причем для первых из вышеназванных характерна тенденция к сокращению. Для категории среднеазиатских и закавказских диаспор, напротив, характерна активная положительная динамика; при этом больше всего выросло число узбеков.

В связи с этим можно констатировать, что при сохранении данной тенденции на ближайшие десятилетия возможно определенное реструктурирование мусульманской этнорелигиозной общности данной зоны в пользу этнодисперсных диаспор за счет сокращения наиболее многочисленных автохтонных этносов Волго-Урала.

Помимо православных и мусульман в пределах Волго-Уральской зоны, по данным переписи 2010 г., проживают представители других этнорелигиозных общностей, относящиеся к 14 этносам. Их численность в целом невелика и продолжает сокращаться, хотя у народов разных этнорелигиозных традиций динамика во многом различна.

Наиболее активно происходит сокращение западно-христианских народов, которых стало меньше на треть. Определяющим для всей группы явилось резкое уменьшение численности немцев, в первую очередь за счет продолжающейся эмиграции и ассимиляции. Столь же значительно и по тем же самым причинам сократилось число евреев. В то же время возросла численность армян, относящихся по своей этнорелигиозной традиции к неправославным восточно-христианским народам. В результате армяне сделались наиболее многочисленной этнической группой среди народов иных этнорелигиозных традиций, проживающих в Волго-Уральской зоне.

Заметно в процентном отношении увеличилась также общность буддийско-восточноазиатских народов, из числа которых наиболее многочисленной является корейская диаспора. Выросло также число цыган и езидов, условно относимых к приверженцам локальных и синкретических культов. Рост последних связан также с изменением самоидентификации, ибо в ходе предыдущих переписей многие идентифицировались в качестве курдов.

Подводя итоги анализа динамики этнорелигиозных общностей Волго-Уральской зоны, можно констатировать, что отмеченные выше процессы в целом пока не привели к существенным переменам в этнорелигиозной структуре населения, хотя сокращение доли православно-христианской общности с 82,6 до 79,6% сделалось уже заметным. На этом фоне произошло незначительное процентное увеличение мусульманской общности – с 15,9 до 16,2%. Удельный вес народов иных этнорелигиозных традиций остался в пределах 0,9%, однако при этом заметно вырос процент лиц, не указавших своей этнической принадлежности – с 0,6 до 3,3%.

Этнорелигиозная динамика зоны Юга России

Вторая значимая «русско-восточная» контактная зона охватывает до 16% населения РФ. Она характеризуется положительной динамикой его общей численности, что резко выделяет Юг России среди других регионов страны. Другой отличительной ее особенностью можно считать высокую степень этнического разнообразия. В пределах данной зоны располагаются все национально-территориальные автономии северокавказских народов, вследствие чего процент мусульманского населения здесь наиболее высокий.

Динамика численности разных этнорелигиозных общностей существенно различается. Православная общность включает 16 этнических единиц, причем русские составляют в ней 93,6%. Вторым по численности православным народом, принадлежащим к числу автохтонных этносов Северного Кавказа, стали осетины. Они составили 3,2% данной общности (с поправкой на то, что данный этнос не является полностью религиозно гомогенным, имея в своем составе мусульманские группы).

Из других православных народов наиболее многочисленны украинцы, белорусы, греки и грузины. Два последних этноса также следует отнести к числу автохтонных. Так, история расселения и проживания греков на территории нынешнего российского Юга насчитывает уже более 2,5 тыс. лет и именно здесь наблюдается наибольшее сосредоточение греческого населения России. В южно-российской зоне сконцентрирована и треть всех проживающих в РФ грузин, многие из которых являются традиционными жителями приграничных с Грузией районов (последнее относится и к абхазам).

Остальные этносы православной группы представлены многочисленными этнодисперсными диаспорами выходцев из других российских регионов (чуваши, мордва, марийцы, удмурты, коми-пермяки, коми), стран ближнего (молдаване, гагаузы) и дальнего (болгары) зарубежья.

И для русского населения, и для православной группы в целом здесь также характерна отрицательная динамика, однако показатели ее ниже, чем по Волго-Уралу и по РФ в целом (соответственно 4,2 и 5,4%; 6 и 7%). За исключением осетин, все православные народы Юга России сократили свою численность, причем резкая отрицательная динамика украинцев, белорусов и ряда этнодисперсных диаспор также связана со сменой идентичности в ходе ассимиляции.

Народы мусульманской этнорелигиозной общности в зоне Юга России представлены 37 этносами. Доминирующее положение среди них занимают титульные этносы северокавказских национально-территориальных автономий и другие близкие к ним народы Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы, абзины, шапсуги), а также народы Дагестана (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, агулы, цахуры, таты). Для них характерно компактное проживание на своей исторической территории, хотя, разумеется, далеко не все пребывают в границах своих автономных образований. Неслучайно именно в зоне Юга России сконцентрировано от 80 до свыше 90% представителей данных народов. В совокупности названные северокавказские этносы составляют 88,7% мусульманской этнорелигиозной общности.

К ним примыкает еще четыре мусульманских этноса, которые также можно считать автохтонными для данной зоны – татары, значительная часть которых относится к местному субэтносу астраханских татар; казахи, расселенные в пограничных с Казахстаном районах Волгоградской и Астраханской областей; азербайджанцы, компактно проживающие на юге Дагестана; туркмены, принадлежащие к местной субэтнической группе «трухменов», размещившиеся на территории Туркменского района Ставропольского края. В совокупности эти народы составляют 8,9% мусульманской общности.

Остальные мусульманские этносы представлены этнодисперсными диаспорами относительно небольшой численности. Так, народы дальнего

зарубежья, в числе которых наиболее многочисленны турки и курды (имеются также в незначительном количестве арабы, персы, афганцы и малайцы), составляют не более 1,6%, среднеазиатские народы (узбеки, таджики, киргизы) – 0,6%, другие российские мусульманские народы (башкиры, крымские татары) – 0,1%.

Наибольший рост численности отмечен среди северокавказских народов (10,3%), который в основном и обеспечил общее увеличение мусульманской общности. При этом наиболее активная положительная динамика наблюдалась у даргинцев, черкесов, агулов, а также у кумыков и шапсугов. Лишь численность кабардинцев незначительно снизилась. Другие относительно многочисленные автохтонные этносы демонстрируют разнонаправленную динамику: если количество казахов, азербайджанцев и туркменов возросло, то татар – весьма заметно снизилось.

Однако самую значительную тенденцию к численному росту проявляют диаспоры среднеазиатских этносов: киргизы увеличили свою численность в 3 раза, а узбеков и таджиков стало больше почти вдвое. Довольно заметно растет также численность диаспор этносов дальнего зарубежья, прежде всего турок и курдов. В сравнении с автохтонными мусульманскими народами эти диаспоры пока еще малозначительны, но при сохранении отмеченной тенденции ситуация может начать постепенно меняться, хотя и не столь радикально, как в Волго-Уральской зоне, поскольку численность автохтонных мусульман здесь тоже растет довольно высокими темпами.

В отличие от Волго-Урала народы иных этнорелигиозных традиций в зоне Юга России гораздо более многочисленны. В их числе – представители 18 этносов, а самая значительная общность, демонстрирующая тенденцию к своему росту, представлена неправославными восточно-христианскими народами.

Прежде всего, это армяне-монофизиты, имеющие зоны своего компактного расселения на территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Армяне относятся к наиболее многочисленным этносам Юга России. Они занимают четвертое место после русских, чеченцев и аварцев, причем именно в этой зоне проживают более половины всех армян РФ. К ним примыкают небольшие этнические группы ассирийцев-несториан и удинов, также исторически приверженных монофизитству.

Увеличивает свою численность и представительная буддийская общность. Ее представительность обусловлена компактным расселением в зоне российского Юга калмыков – одного из трех автохтонных исторически буддийских народов РФ, имеющих здесь свою национально-территориальную автономию. Относительно заметный рост численности калмыков определил общее увеличение данной этнорелигиозной группы, в составе которой

присутствуют также растущая группа корейцев и незначительные диаспоры других народов.

В то же время общность западно-христианских народов демонстрирует тенденцию к значительному сокращению. Между двумя переписями на Юге России уменьшилась численность всех западно-христианских народов, причем общее сокращение данной общности произошло за счет наиболее крупной из них немецкой группы, сократившейся наполовину. Столь же высокими темпами уменьшается численность евреев-иудеев; автохтонная этническая группа горских евреев вообще близка к своему исчезновению. Количественный состав цыган и езидов, напротив, увеличился почти на треть.

В результате анализа этнорелигиозной динамики Юга России можно отметить активный рост мусульманской общности на фоне продолжающегося (хотя и не столь активно, как по РФ в целом) сокращения численности русского и ряда других православных народов: удельный вес православной этнорелигиозной общности уменьшился с 69,7 до 66,3%, а мусульманской – увеличился с 25,2 до 27,2%. Процент этносов иных этнорелигиозных традиций остался неизменным (4,4), но при этом, как и в Волго-Уральской зоне, выросла доля лиц, не указавших своей этнической принадлежности – с 0,7 до 2,1%.

Этнорелигиозная динамика Восточно-Азиатской зоны

Население этого региона, составляя менее пятой части всех жителей РФ и также имея высокую отрицательную динамику численности, по своему этническому разнообразию превосходит обе рассмотренные выше зоны. Здесь, впрочем, следует сделать оговорку, связанную с меньшей достоверностью данных последней переписи 2010 г., касающихся этнорелигиозного состава населения, поскольку процент лиц, не указавших своей этнической принадлежности, в этой зоне достигает 13,5%.

Отсюда проистекает столь значительный разрыв между динамикой населения в целом и соответствующими показателями, которые касаются основных этнорелигиозных общностей. Так, совокупная численность всех учтенных этносов Восточно-Азиатской зоны уменьшилась на 16,6%, тогда как количество лиц без этнической принадлежности возросло более чем в 12 раз. В данном случае можно предположить, что это является одним из следствий неконтролируемой миграции. Вместе с тем полученные результаты все же дают адекватное представление, касающееся основных параметров интересующих нас аспектов, вследствие чего они вполне могут быть использованы для анализа.

Этническое разнообразие касается прежде всего православной этнорелигиозной общности, в которую входят 53 этнические единицы. Абсолютное

доминирование русских здесь проявляется также довольно отчетливо: на их долю приходится 93,5% православной общности, а вместе с украинцами и белорусами они составляют 95,6%. Остальной этнический спектр этой общности включает как автохтонные восточносибирские и северные народы, так и диаспоры других народов РФ, ближнего и дальнего зарубежья. Вторым по численности православным народом являются якуты, за которыми с большим отрывом следуют алтайцы, хакасы и эвены. 17 этносов насчитывают менее 1 тыс. человек каждый – в основном это коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Отрицательная динамика русских, предопределившая аналогичный показатель всей православной общности, в данной зоне наиболее высока: потери составили почти пятую часть православного населения. При этом численность некоторых относительно крупных сибирских и северных этносов, таких как якуты, алтайцы, эвенки и эвены, заметно возросла, что, однако, никак не сказывается на общей тенденции. Помимо естественных причин основную роль здесь играет наметившийся в последние десятилетия постоянный отток населения из северных, сибирских и дальневосточных регионов.

Мусульманская этнорелигиозная общность в Восточно-Азиатской зоне не слишком многочисленна, хотя включает в себя 16 этносов. К ее автохтонным представителям можно отнести лишь сибирских татар, составляющих особую субэтническую группу татарского народа, и казахов. Они образуют в совокупности около 60% всего мусульманского населения зоны. В числе других заметную группу составляют мусульманские народы Средней Азии и Закавказья, на долю которых приходится 34% местных мусульман. Остальная часть представлена немногочисленными диаспорами волго-уральских, северокавказских и других мусульманских народов.

Для наиболее крупных мусульманских этносов – татар, казахов и азербайджанцев – характерна отрицательная динамика численности, которая особенно заметна у татар. Вместе с тем среднеазиатские этносы, напротив, проявляют активную тенденцию к росту: число узбеков, киргизов и таджиков увеличилось в 2,5–3 раза. Последнее обстоятельство предопределило сохранение общей численности мусульманской этнорелигиозной общности практически на прежнем уровне.

Народы иных этнорелигиозных традиций представлены 21 этнической единицей, в числе которых самую значительную общность составляют буддийские народы. Их общая численность превышает численность всей мусульманской группы. Последнее вполне закономерно, поскольку именно Восточно-Азиатская зона является местом исторического расселения двух наиболее многочисленных российских буддийских этносов – бурят и тувинцев, имеющих здесь свои национально-территориальные автономии. К ним примыкают корейцы, которых также можно условно (ввиду наличия в их

среде иных религиозных ориентаций) отнести к автохтонным дальневосточным этносам буддийской культуры.

В совокупности три названных этноса составляют 97,2% буддийской общности. При этом буряты, и особенно тувинцы, демонстрируют уверенный рост, предопределивший общее увеличение всей буддийской общности, хотя численность корейцев несколько сократилась. Динамика остальных буддийских этнических групп, ввиду их крайней малочисленности, на совокупную динамику особого влияния не оказывает.

Что касается других народов, то произошло увеличение числа армян. Вместе с тем как и в других, рассмотренных выше, зонах, более чем на треть сократилась численность народов западно-христианской культуры и евреев-иудеев. Цыгане и езиды в зоне представлены лишь небольшими группами, причем численность первых уменьшилась, а вторых выросла.

Подводя итоги развития этнорелигиозной динамики населения Восточно-Азиатской зоны, можно отметить, что результатом высоких темпов сокращения численности православной общности, происходившей за счет уменьшения русского населения, явилось резкое падение ее доли в общей этнорелигиозной структуре – с 92,3 до 79,9%. Однако это не привело к существенному изменению удельного веса других этнорелигиозных общностей: процентные показатели численности мусульман, буддистов и прочих этнорелигиозных групп практически остались на прежнем уровне. Дело в том, что доля лиц, не указавших свою этническую принадлежность, стремительно выросла – с 1 до 13,5%.

Основные выводы

Анализ этнорелигиозной динамики населения в разрезе «русско-восточных» контактных зон показал, что во всех трех рассмотренных регионах весьма отчетливо проявилась тенденция сокращения православной этнорелигиозной общности. Она происходила преимущественно за счет уменьшения численности русского населения, убыль которого не восполнялась даже стремительно идущей ассимиляцией близкородственных украинцев и белорусов, а также православных тюрок и угро-финнов. И если в зоне Юга России темпы такой отрицательной динамики ниже общероссийского показателя, то на Волго-Урале они уже заметно выше, а в пределах Восточно-Азиатской зоны приобретают катастрофический характер.

Параллельный рост численности ряда нерусских православных этнических групп не может восполнить убыли русских. Более того, в ситуации столь резкого ослабления русского ядра как центра притяжения других народов, исторически принявших православие, создается опасность выпадения последних из состава православной этнорелигиозной общности. Это особенно

касается автохтонных северных, сибирских и дальневосточных народов, принявших православие лишь в XVIII–XIX вв., вследствие чего до установления атеистического советского режима их собственная православная традиция еще не успела окончательно сформироваться и утвердиться. Уже сейчас некоторые из них (якуты, эвенки, чукчи) все более становятся объектом миссионерского воздействия, в том числе со стороны зарубежных эмиссаров.

Выявленный на общероссийском уровне рост мусульманской этнорелигиозной общности не во всех зонах носит равнозначный характер. В частности, отмечено уменьшение количественного состава самых многочисленных тюркских этносов, исторически приверженных исламу – татар, башкир и казахов. Между тем именно они составляли ядро этнорелигиозного и этнополитического феномена российской цивилизации, получившей наименование «русского мусульманства». В результате параллельно с православной произошло сокращение численности мусульманской общности Волго-Уральской зоны. Что касается двух других контактных зон, то в одной из них число мусульман в целом возросло (Юг России), а в другой – осталось на прежнем уровне (Восточно-Азиатская зона).

Высокие темпы роста демонстрируют автохтонные мусульманские этносы Северного Кавказа. Это происходит как в местах их компактного проживания на Юге России, так и в составе этнодисперсных диаспор мусульманских общностей других зон, что свидетельствует о постепенном смещении центра тяжести в пользу северокавказской мусульманской общности. Однако наиболее активна повсеместная положительная динамика у среднеазиатских этнических диаспор – узбеков, таджиков и киргизов, численность которых увеличилась за прошедшее десятилетие в несколько раз. Это коснулось даже отдаленной Восточно-Азиатской зоны, где названные этносы занимают в составе местной мусульманской общности все более прочные позиции. То же можно сказать и о пока еще небольших диаспорах мусульманских этносов дальнего зарубежья.

При сохранении отмеченных тенденций можно прогнозировать такое переструктурирование мусульманских общностей контактных зон, после которого доминирующие позиции в них будут принадлежать уже не «русскому мусульманству», а мусульманским народам принципиально иных этнорелигиозных и этнокультурных ориентаций. Результатом этого может явиться благоприятная основа для распространения течений ислама, исторически не свойственных цивилизационному пространству России, в том числе «радикального ислама». В условиях параллельного ослабления русского ядра православной этнорелигиозной общности такое развитие событий в недалеком будущем может превратить «русско-восточные» контактные зоны в регионы ожесточенных конфликтов на этнической и религиозной почве.

Буддийская этнорелигиозная общность в целом пока еще не слишком велика, но демонстрирует довольно высокие темпы своего прироста, главным образом за счет автохтонных буддийских народов России. При сохранении положительной динамики она сделается активным и влиятельным субъектом этнорелигиозных отношений, особенно в Восточно-Азиатской зоне, где православная общность стремительно убывает из-за оттока населения, а мусульманская не столь значительна. При этом в сферу ее воздействия вполне могут войти некоторые автохтонные этносы данной зоны, которые сегодня считаются православными, в частности якуты и алтайцы. Так, у алтайцев уже в начале XX в. сформировалось синкретическое религиозное течение – бурханизм, интерпретируемый как одна из местных форм буддизма.

Диаспоры выходцев из стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в ситуации роста численности автохтонных российских буддистов пока не занимают в составе буддийской общности заметного места. Кроме того, несение их к данной общности носит в достаточной мере условный характер. Тем не менее при изменении демографического баланса здесь также возможно возникновение негативных тенденций, аналогичных тем, что возникают в исламской общности.

Особую тревогу вызывает стремительный рост численности лиц, не указавших свою этническую принадлежность. Причем эта тенденция наиболее активно проявилась в пределах Восточно-Азиатской зоны – там, где православная общность резко сократилась. Здесь, разумеется, могли иметь место недостатки в организации последней переписи населения, но все же главную роль, на наш взгляд, играют слабо контролируемые миграционные процессы. Они приводят к возникновению своеобразных «серых зон», которые становятся источником разнообразных деструктивных явлений и процессов. В любом случае данная проблема требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Этнорелигиозная динамика и структура населения РФ (по данным переписи 2010 г.) // Россия и современный мир. – 2013. – № 4. – С. 150–160.
2. Гаспринский Исмаил-бей. Россия и Восток. – Казань, 1993.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2008.
4. Кожин В.В. Судьба России: Вчера, сегодня, завтра. – М., 1997.
5. Логинов А.В. Россия и Евразия. Российский вектор: Поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2013.
6. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997.
7. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995.